

М. А. Евстафьева, А. А. Цветкова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИНВАРИАНТЫ ПРОРОЧЕСКИХ СНОВИДЕНИЙ И НАРОДНЫХ ПРИМЕТ

Доказывается возможность выявления семантических инвариантов пророческих сновидений и народных примет. Показано, что такие инварианты действительно имеются и они лежат по ту сторону языка, принадлежат глубинной сфере человеческой ментальности (бессознательному), имеют особую знаковую природу (являются одновременно семантическими признаками и образами). С этих позиций рассматривается проблема синхронистичности — акаузальных семантических совпадений. Выдвигается предположение о том, что область семантических инвариантов сновидений и примет близка квантовой реальности, которая составляет в настоящее время особый интерес для исследователей.

The authors prove the possibility of revealing semantic invariants of prophetic dreams and folk signs. The study shows that such invariants do exist, and they stay with the other side of the language, belong to the deep sphere of human mentality (unconscious), have a special sign nature (they are both semantic signs and images). From this point of view, the problem of synchronicity — acausal semantic coincidences, is considered. The article suggests that the domain of semantic invariants of dreams will be close to quantum reality, which is of particular interest to researchers today.

Ключевые слова: метафора, метонимия, семантика, прагматика, символ, сновидение пророческое, примета народная, синхронистичность.

Keywords: metaphor, metonymy, semantics, pragmatics, symbol, prophetic dream, superstitions, synchronicity.

Одной из заметных черт современной науки о языке является экспансионизм — активное стремление к освоению категориального аппарата и проблемных областей, принадлежащих близким ей дисциплинам. Частное проявление этой тенденции составляют поиск и освоение языкознанием новых объектов, способных полно, ярко и в новых аспектах показать глубинные особенности человеческой ментальности и вместе с тем высветить наиболее важные в познавательном отношении функциональные свойства языка. Этот поиск — одна из наиболее интересных и перспективных проблем языкознания в настоящее время. Самое пристальное внимание исследователей в этих условиях привлекают феномены, имеющие универсальный характер и, следовательно, связанные с глубинными психическими способностями человека, характеризующими его как вид.

К числу таковых относится группа феноменов, которые демонстрируют принцип акаузальных семантических совпадений, у К.Г. Юнга

получивший название «синхронистичность». Согласно этому принципу, явления объективной и субъективной реальности, обусловленные теми или иными факторами и сами по себе вполне вероятные, могут системно складываться в совокупности, вероятность которых ничтожно мала (по имеющимся подсчетам, она определяется отношением 1:4 000 000). Сам К.Г. Юнг проиллюстрировал синхронистичность следующим примером:

Сегодня пятница. На завтрак у нас рыба. Кто-то в разговоре со мной упомянул об обычае делать из кого-то «апрельскую рыбу». В то же самое утро я занес в свой блокнот надпись, которая гласила: «*Est homo totus medius piscis ab imo*» («Человек целостный есть рыба, извлеченная из глубины»). Днем одна из моих бывших пациенток, которую я не видел уже несколько месяцев, продемонстрировала мне несколько впечатляющих картин с изображениями рыб, которые она нарисовала за то время, что мы не виделись. Вечером мне показали кусок гобелена с изображенными на нем рыбоподобными чудовищами. Утром 2-го апреля другая пациентка, с которой я не виделся уже несколько лет, рассказала мне сон, в котором она стояла на берегу озера и увидела большую рыбу, которая поплыла прямо к ней и выбросилась из воды к ее ногам. В это время я занимался изучением истории символа рыбы. Только одно из упомянутых мною здесь лиц знало об этом [7, с. 203].

Показательно, что проблема акаузальных семантических совпадений обращала на себя внимание также специалистов в области квантовой механики (В. Паули, А. Эйнштейн и др.) и исследователей трансперсональной психологии (С. Гроф). В первом случае она рассматривалась в связи с более понятной физикам проблемой взаимодействия частиц в микромире — такое взаимодействие описывалось на основе модели некаузального, несилового воздействия. Во втором случае актуальной оказывается иная позиция: исследователи приходят к мысли, что материальный мир может войти в непосредственное взаимодействие с человеческой психикой, а акаузальные семантические совпадения доказывают, что сознание и материи нерасторжимы и равнозначны и в мире существуют также иные зависимости, отличные от причинно-следственных.

При этом следует особо отметить, что рассматриваемая с позиций квантовой механики природа человеческого сознания составляет еще одну важную проблему, на решение которой в последние несколько десятилетий направлены усилия и современной когнитивной лингвистики, и фундаментальной науки (квантовой механики) [3].

Типологические разновидности синхронистических явлений составляют пророческие сновидения и народные приметы. При всем своем внешнем различии они имеют много общего. Прежде всего и те, и другие составляют особые универсалии: пророческие сновидения в психологической сфере, а народные приметы — в культурной. Однако значимость пророческих сновидений проявилась и в культурном сознании человека: во всех сообществах такие сновидения рассматривались как особые знаки, в которых человек раскрывает для себя некую

«иную реальность» — чаще всего будущее или некоторые скрытые обстоятельства жизни. К этой «иной реальности», осуществляющейся в будущем, обращены и приметы.

Едина знаковая природа пророческих сновидений и народных примет. Те и другие являются образами, хотя первые воспроизводятся внутренне, независимо от непосредственных восприятий, а вторые, напротив, опираются на эти восприятия, зависят от них. Иными словами, сущностные начала пророческих сновидений внешне определяются в субъективной, психологической сфере человека, а начала примет принадлежат объективной, внешней реальности.

Наконец, общими у пророческих сновидений и народных примет являются когнитивные механизмы репрезентации содержаний. В частности, для тех и других актуальны метафоры, метонимии, прагматические расширения. Так, в условиях метафорических переносов события определенной области действительности (они реально определяются в описании приметы или сновидения) представляют события другой области действительности на основе сходства. Ср.: *На Новый год звезд густо — ягоды будут*. В этой примете ягоды уподобляются звездам по признакам «рассыпанность» и «множественность». Точно так же «змея» метафорически представляет «дорогу» в следующем сновидении¹:

Я после школы поступала в университет — не прошла по конкурсу, недобрала один балл. Уехала домой на Кубань. Сколько дней я там пробыла в расстроенных чувствах — не помню. И вот приснилась мне длинная змея. Я рассказала об этом сне бабушке-соседке: «Федоровна, к чему бы это? Никогда в жизни не снилась змея». Она тут же сказала: «Это к дороге». Я думаю: «Какая дорога, если меня не приняли? Только приехала домой, надо искать работу».

Буквально в этот же день пришла телеграмма о том, что меня зачислили кандидатом. Это меня просто поразило.

В условиях метонимических сдвигов некое внешне данное событие содержит в своем составе признак, который соотносится с прогнозируемым событием по принципу смежности, соположенности в пространстве или времени. Ср.: *Собака воет к земле — к покойнику*. В этой примете отношением смежности соединяются следующие реалии: «покойник» — «покойник похоронен в земле» — «собака воет к земле» (вой собаки можно расценивать в данном случае как индексальный знак: своим воем она указывает на землю).

Аналогичным образом метонимические переходы от одной области действительности к другой осуществляются при интерпретации сновидений. Так, в следующем примере сновидения определяется совокупность таких сдвигов: «мыться в бане» — «обмывать (покойника)» — «смерть» — «болезнь (как фактор смерти)». Ср.:

Моя бабушка говорила: если, мол, увижу себя, что моюсь в бане или мою волосы, то через три дня обязательно заболею. Так всегда и было.

¹ Все примеры сновидений взяты из корпуса, собранного Г.И. Берестневым. Все приметы взяты из издания [8, с. 342–354].

При прагматических расширениях содержаний одна из реалий отмеченной ситуации понимается как источник культурно-ассоциативных содержаний, которые и оказываются актуальными в данных условиях. Ср. следующую примету: *Птица залетит в дом — к покойнику*. Вообще образы птиц часто символизируют в разных культурах освобожденную от плоти человеческую душу (такова, например, выделяющаяся после смерти человека частица его души Ба в египетской мифологии, имеющая вид птицы с человеческой головой) [1, с. 215]. Птица, залетевшая в дом, может пониматься в этой примете как некое предвестие души, которая в скором времени покинет человека.

Таким же образом работают прагматически наполненные образы в пророческих сновидениях. В следующем примере ключевой характер имеет образ *черного платья*. Вообще черный цвет в европейской культуре (ее экзотерических проявлениях) имеет негативную семантику. Например, негативно окрашенным является «черный человек», языческим хтоническим божествам приносили в жертву черных животных. В христианской традиции дьявол нередко изображается черным — считалось, что он требует жертвы в виде черного петуха или козла. Вообще сатанистские ритуалы называются «черными мессами». В символике христианства черный цвет означает грехопадение. Также черный цвет часто служит для обозначения мрака, хаоса и смерти. В европейской традиции черный цвет — цвет траура [5, с. 531—533; 1, с. 295]. Само слово *траур* в русском языке восходит к нем. *Trauer*, которое имеет значение 'печаль, скорбь', но вместе с тем выражает и семантику черного цвета — ср. *Trauerbinde* 'траурная повязка', *Trauerfahne* 'траурное (черное) знамя'. Ср.:

Перед смертью мужа, за несколько дней до этого (с четверга на пятницу) я вижу сон, что смотрюсь в зеркало, а там я в черном платье. Совсем черное, прямо траурное. За спиной стоит муж и говорит: «Как оно тебе идет!» А через несколько дней он неожиданно умер от сердца. Никто не думал.

Такие сходства пророческих сновидений и народных примет ставят еще один принципиально важный вопрос — о единстве способов репрезентации в них одних и тех же содержаний. Наличие такого единства означало бы сводимость одних к другим, а по сути — существование единой прогностической способности, заложенной в глубинах психики человека, и инвариантность ее семантического оформления по отношению к пророческим сновидениям и приметам.

Однако сначала следует отметить отчетливое различие в семантических возможностях пророческих сновидений и примет. В то время как сновидения весьма разнообразны по своей семантике и могут указывать на достаточно широкий спектр событий, ожидающих человека в недалеком будущем, народные приметы ориентированы на некоторый относительно узкий круг тем — таких, как «рождение», «свадьба», «похороны», «бытовая жизнь», «важные изменения в жизни», «природные

явления» — и действуют в целом в более широкой темпоральной перспективе. Кроме того, приметы по сравнению с пророческими сновидениями более отчетливо сводятся к оценочной оппозиции «к хорошему — к плохому».

Последнее обстоятельство подсказывает, что инвариантный характер по отношению к семантике пророческих сновидений и примет на самом деле имеют не конкретные смыслы, а элементы базовых признаков оппозиций типа «высокий — низкий», «светлый — темный», «правый — левый», «молодой — старый», «свой — чужой», «прямой — изогнутый» и т.п., сводимые к основной оценочной паре «хорошо — плохо». Именно при рассмотрении с этой точки зрения пророческие сновидения и народные приметы могут показать свои инвариантные содержательные составляющие.

Рассмотрим в этой связи несколько параллельных примеров пророческих сновидений и народных примет с аналитическим разбором условий их конкретной семантической инвариантности.

Оппозиция «верх — низ». В приведенных ниже описаниях сновидений и приметах исходно представленный образ связывается с движением вверх или вниз, причем характер самого этого движения, а также условия, в которых оно осуществляется, могут варьироваться — это перемещение вверх по ступенькам, подъем на обрыв или по склону, наоборот, движение вниз, реальное или предупрежденное падение. В любом таком случае решающим является направление движения как таковое. Что же касается конкретного содержания пророческих сновидений или примет, то оно либо прямо сводится к оценочным признакам «хорошо — плохо» (таково приведенное ниже сновидение), либо представляется концептом, имеющим подобную оценку (такова приведенная примета, которая в контексте романа связывается со смертью Грушницкого). Ср. примеры сновидения и приметы:

Это не конкретный сон, а некий «образный тип» сна. В частности, если мне снится, что я двигаюсь куда-то вверх (поднимаюсь по ступенькам, забираюсь на обрыв, карабкаюсь по склону, цепляясь за растения, и т.п.), это означает, что какое-то последующее мероприятие в жизни будет успешным.

Вдруг мелкие камни с шумом покатались нам под ноги. Что это? Грушницкий споткнулся, ветка, за которую он уцепился, изломилась, и он скатился бы вниз на спине, если б его секунданты не поддержали.

— Берегитесь! — закричал я ему, — не падайте заранее; это дурная примета. Вспомните Юлия Цезаря!²

² Когда Юлий Цезарь высаживался в Гадрумете, в Африке, со своими войсками и сходил с корабля на берег, он споткнулся на трапе и упал лицом вниз. Это могло бы быть расценено войсками как дурное предзнаменование. Однако Цезарь быстро взял себя в руки и воскликнул громко: «Так я овладеваю тобой, о Африка!» Падению он придал иную, не общезначимую идеологию. См.: Ноульсон Шарпер Т. Что означает споткнуться и упасть. URL: http://samlib.ru/s/shugrina_j_s/falling.shtml (дата обращения: 01.03.2019).

Оппозиция «чистый — грязный/мутный». В случаях, ориентированных на данную оппозицию, рамки исходной образной вариативности весьма широки. Однако наиболее отчетливо она просматривается в отношении примет, в то время как в пророческих сновидениях вариативность сужается и сводится к устойчивым образным моделям. Так, в первых двух приведенных ниже примерах устойчивый образ сновидений — *вода*, в отношении которой определяются характеристики «чистая — грязная», «чистая — мутная». С этих позиций далее выявляются имеющие отчетливую оценку концепты или собственно оценочные признаки «хорошо — плохо». В третьем примере исходное образное начало примет также обрело постоянный характер, но связь его с оппозицией «чистый — грязный / мутный» затемняется описанным событием во внеязыковой действительности: умываясь, кошка вылизывает свою шерсть. Однако с внутриязыковой точки зрения значение «умываться» ассоциируется со смыслом «делать чистым». Рассмотрение этого смысла в аспекте русской культурной традиции наведения порядка и чистоты в доме перед приходом гостей объясняет семантическую логику этой приметы. Ср.:

Купание в воде... В грязной воде, допустим. Мутная вода... Это всегда — я уже знаю — будут болезни. Это к болезни — это сто процентов. Особенно если плохая вода. Если прозрачная вода снится, значит все удачно будет, день пройдет гладко. Это всегда так сбывается.

Еще один постоянный пророческий сон у меня — погружаться в воду во сне. Но важно, в какую воду погружаться. Если в мутную — это к плохому, к болезни. А если вода чистая, бегущая, журчащая — это хорошо, все будет чудесно.

Кошка моется — гостей зовет.

Оппозиция «молодой — старый». Примеры пророческих сновидений и примет, реализующих данную оппозицию, более конкретны и постоянны в своей образности. Важно отметить при этом, что в случаях подобного рода чаще фигурируют образы *старого* человека, причем обычно это женщина. Сновидения и приметы, реализующие положительный член этой оппозиции, весьма редки. Ср.:

Если снится, что разговариваю с бабушкой, то будет какая-то неприятность. Это предупреждение. А в жизни у меня с бабушкой были хорошие отношения. Она вырастила меня, брата. Мы всю жизнь были вместе.

Встретить на дороге старую женщину — к неудаче.

Оппозиция «светлый — темный». Образность пророческих сновидений и народных примет, для которых актуальна данная оппозиция, варьируется от именуемых прямо, но по сути абстрактных *света* и *тьмы*, до конкретных явлений, для которых признаки «свет» и «тьма» являются ключевыми. Так, положительному члену данной оппозиции

отвечают *восход солнца, солнце, день, хорошая погода* и т. п., отрицательному — *ночь, сумерки, глубокая тень, туман, плохая погода* и т. п. Тем не менее ряд конкретных явлений, отвечающих оппозиции «светлый — темный», относительно невелик. Ср.:

А свекровь, она с 1927 года, недавно видела сон. Какая-то чернота, и из этой черноты она попадает в солнце — свет такой, солнечная погода, все сияет. Она после этого сна заболела, но говорила: «Я не умру, я видела свет».

По погоде во время венчания и на пути из церкви судили о будущей жизни: ясная погода будто бы предвещала хорошую и светлую жизнь, а снег, дождь были к «худому» замужеству. Правда, в иных местах эта же примета имела как раз противоположный смысл... [4, с. 124].

Кто нечаянно завидит свет в своем доме, жди счастья.

Единство кодовой природы пророческих сновидений и народных примет — образность тех и других — дает основание искать их содержательные инварианты также и в образной сфере. По сути, речь в этих условиях будет идти о неких образных константах (символах), активно функционирующих как в пророческих сновидениях, так и в народных приметах. Отметим далее лишь некоторые из них.

Огонь, горение. Огонь представляет собой символ с амбивалентной семантикой. С одной стороны, это образ разрушающей стихии, в которой уничтожаются любые формы. Таковы адское пламя, губительный огонь пожара, небесный огонь молнии. С другой стороны, образ огня имеет семантику позитивную. Это очистительная стихия, в которой рождается нечто новое (ср. перерождение в огне птицы Феникс). В самом абстрактном плане это зримый образ духовной и эротической силы, оплодотворяющей косную материю, на несколько более конкретных уровнях — образ, позволяющий представить самого Бога (Яхве — огонь рождающий) [5, с. 355]. Вместе с тем огонь мыслится как сама жизнь конкретного человека и одновременно как некий ориентир в духовном поиске. В самых же конкретных условиях огонь составляет некий «мажк» — способ фокусирования внимания на отмечаемом им объекте. Это показывают следующие примеры:

Если снится огонь — в любом виде, либо костер, либо камин, либо горящая свеча, либо пожар... Обязательно будет успех. Успех в любом деле. Это у меня так. Но я знаю многих людей, которые рассказывают, что накануне какого-то события, о котором люди очень переживают... вот. Если снится этот сон, то событие разрешается очень благополучно.

Ноги горят — к пути; У кого глаза горят, о том и молва идет; У кого из молодых свеча раньше сгорит при венчании, тот раньше умрет.

Вода. Это древний и чрезвычайно емкий по своему содержанию символ. По замечанию Х. Э. Керлота, вода в самом общем плане знаменует собой «вселенское стечение потенциальных возможностей», *fons et*

origo ("источник и происхождение"), предшествующее всем формам и всему творению. Погружение в воду означает возврат к преформальному состоянию, имеющий, с одной стороны, смысл смерти и уничтожения, а с другой — возрождения и восстановления, поскольку погружение укрепляет жизненную силу» [2, с. 116]. Таким пониманием образа воды и обусловлена его семантическая амбивалентность.

Особую культурную значимость имела и реальная вода, которая использовалась в разного рода гаданиях (*гидромантия*). Один из видов такого гадания — наблюдение за кругами, которые оставлял на воде брошенный в нее камень. Ср.: *Это вилами* (т. е. *кругами*) *по воде писано*. Существовали и другие связанные с водой способы гадания, их отражают языковые формулы типа *Как в воду глядел; Как в воду глядишь, так и кажется*. Отсюда и уважительное отношение к воде: *Плевать на воду — все равно что матери в глаза*

Имеющиеся примеры показывают, что символическая семантика воды присуща по преимуществу сновидениям, в которых она может быть как положительной, так и отрицательной. Обращение к реальной воде характерно скорее для примет и разного рода гаданий. Ср.:

Снится вода большая, когда кто-то умрет. Вот я расскажу. Перед смертью Валентины Михайловны А. мне приснился такой сон. Буквально это было... Она умерла 11-го, а 4-го или 5-го мне приснилось, что мы с ней почему-то на пляже, причем не море, а какое-то озеро. И она идет купаться. А я плавать не умею и я не хочу как-то... И она меня позвала, позвала и потом туда ушла. А я остался на берегу, и у меня было неприятное ощущение, от которого я проснулся. Вот она и умерла.

Что про воду. Вот... Мыться в ванне мне снилось тоже... Что я вижу человека, абсолютно голого, моющегося в ванне. И мои близкие родственники заболели. Ну, я видела так маму свою — у нее была сильная онкология. Вообще кого увидела, тот и болеет. Да. А если я просто море вижу или плаваю в море, то у меня благополучие. В течение дня даже.

Бросать камня в воду: коли забурчит, то муж будет воркотун; Замораживают к Новому году воду в ложке: пузыри — к долговечности, ямка сверху — к смерти и пр.

Насекомые. Семантика образов насекомых в сновидениях и в приметах определяется разными факторами. С одной стороны, это соотносимость с базовой оппозицией «множественный — единичный», в рамках которой множественность оценивается положительно. С другой — это собственное символическое значение соответствующих образов. Так, в первом сновидении из приведенных ниже примеров общая положительная семантика образа насекомых определяется его соотносительностью с положительным членом оппозиции «множественный — единичный». Во втором примере общая негативная оценочная семантика сверчка в примете обусловлена его соотносительностью с отрицательным членом этой же оппозиции. В третьем примере оценка муравьев в примете определяется уже их собственной символической семантикой. Она

в целом, как и в отдельных аспектах, является положительной: в самых разных культурных традициях муравей рассматривается как символ трудолюбия, прилежания, старательности, иногда даже как помощник Творца при создании мира [1, с. 173]. Мухи в четвертом примере примет, напротив, имеют отчетливо негативную символику. Греческое наименование мухи буквально означает паразита. Отмечается даже представление о демонической мощи полчищ мух, в рамках которого признак «множественность» подчиняется их символической семантике и усиливает ее. Ср.:

Вообще экскременты, насекомые — это только деньги. Это классический пример.

Сверчок по избе летает — к смерти либо к пожару.

Мураши в доме — к счастью.

Мухи зимою в избе — к покойнику.

Итак, можно заключить, что пророческие сновидения и народные приметы на самом деле имеют единую семантическую природу, которая проявляется не только в общей знаковой близости (апелляции к образу), но и в единстве их глубинных признаков и образных начал. И в основе всего этого лежит базовая оценочная оппозиция «хорошо — плохо».

Но как подобные семантические инварианты пророческих сновидений и народных примет проясняют проблему синхронистичности?

Отмеченные в настоящей статье положения позволяют наметить некоторые теоретические позиции, актуальные для ее дальнейшей разработки. И прежде всего стало очевидно, что объяснение феномена синхронистичности содержится в сфере глубинной семантики и возможно с точки зрения глубинных психических сфер человека. Этот тот семантический уровень, который лежит далеко за пределами языка и на котором вариативные образы разных модальностей сводятся к их единой инвариантной данности.

Можно заключить также, что семантические глубины подобным образом совпадающих сновидений и примет составляют иную реальность по отношению к поверхностно-языковым концептуальным образованиям. По всей видимости, это и есть та таинственная содержательная и одновременно эмоциональная сфера в человеческой психике, которая определяется как коллективное бессознательное с его архетипами [6, с. 88]

Наконец, можно предположить, что содержательная область инвариантных пересечений пророческих сновидений, с их изначальной образностью и психологизмом, и народных примет, по самой своей природе обращенных к внеязыковой действительности, составляет особую реальность, в которой различия между субъективным и объективным, психическим и физическим, внутренним и внешним по отношению к

человеку снимаются. Является ли эта реальность квантовой или только обнаруживает некоторую близость ей, а может, наоборот, уводит еще дальше от нее, покажут дальнейшие исследования уже отчетливо междисциплинарного характера.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00030 «Акаузальные семантические совпадения с точки зрения когнитивной лингвистики».

Список литературы

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996.
2. Керлот Х. Э. Словарь символов. М., 1994.
3. Менский М. Б. Сознание и квантовая механика. Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности). Фрязино, 2011.
4. Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы. Белгород, 2008.
5. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 2001.
6. Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.
7. Юнг К. Г. Синхронистичность. М. ; Киев, 1997.
8. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. М., 1984. Т. 2.

Об авторах

Марина Анатольевна Евстафьева – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: marina_bachtin@rambler.ru

Анна Андреевна Цветкова – канд. филол. наук, ст. преп., Калининградский государственный технический университет, Россия.

E-mail: anja.tsvetkova@inbox.ru

The authors

Dr Marina A. Evstafieva, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: marina_bachtin@rambler.ru

Dr Anna A. Tsvetkova, Senior Lecturer, Kaliningrad State Technical University, Russia.

E-mail: anja.tsvetkova@inbox.ru